

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

стихотворения

МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В93

Оформление серии и иллюстрация
на обложке *Елены Околицыной*

Иллюстрация в марке серии:
© bsd / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Высоцкий, Владимир Семенович.

В93 Стихотворения / Владимир Высоцкий. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Собрание
больших поэтов).

ISBN 978-5-04-102421-5

«Как успел он вместить, прожить столько
жизней, и каких!.. <...> Но одно кажется оче-
видным: без дара любви к своей стране, к народу
своему Высоцкий вообще необъясним (как не-
объяснимо без этого дара ни одно из явлений
настоящего искусства)» — писал Ю. Карякин в
самой первой посмертной статье. Вот уже почти
сорок лет нет Высоцкого с нами, но его песни
живут, бережат души слушателей прежде всего
своей подлинностью. Но песни его далеко не
сразу раскрываются полностью, над ними при-
ходится думать и работать. В книгу включены
лучшие стихотворения и песни поэта.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Высоцкий В., наследники, 2026
© Карякин Ю., предисловие.
Наследник, 2026
© Оформление. ООО «Издатель-
ство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-102421-5

ОН ИЗ ПОВИНОВЕНИЯ ВЫШЕЛ¹

<...>

Непостижимо: откуда он, Владимир Высоцкий, молодой, так много и так кровно знал про нас про всех? Про войну — сам не воевал. Про тюрьмы — сам не сидел. Про деревню нашу —

---

¹ Эта статья Ю. Карякина была первой в нашей печати статьей о Высоцком. Написать ее Юрий Карякин обещал Марине Влади после похорон Володи на поминках в Театре на Таганке. Написал в сентябре 1980 года. Но напечатал с огромным трудом, уговорив и главного редактора журнала «Литературного обозрения» Лавлинского и цензора Главлита, заставив и того и другого долго и много слушать самого Высоцкого. Без горячительного, конечно, тогда не обошлось. Статью опубликовали к годовщине смерти поэта.

Но пришлось пойти на компромисс и вместо названия «Он из повиновения вышел» дали нейтральное — «О песнях Высоцкого» // Литературное обозрение, 1981, № 7, С. 94—99. Потом эту статью перепечатывали еще под названием «Остались ни с чем егеря». См, например, книгу: Юрий Карякин «Жажда дружбы. Карякин о друзьях и друзья о Карякине». М., «Радуга», 2010. *Примеч. Ирины Зориной.*

сам-то горожанин, москвич прирожденный («Дом на Первой Мещанской, в конце...»).

Откуда эта щемящая — фольклорная — достоверность? Никакая тут не стилизация: он о родном, о своем поет:

В синем небе, колокольнями проколотом, —
Медный колокол-л-л, медный колокол-л-л —
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом, —
Чтобы чаще Господь замечал...

Как успел он вместить, прожить столько жизней, и каких!... И как все-таки много может сделать один-единственный человек, а ведь даже и он не все сделал.

Откуда все это? Можно сказать: дар такой, и все тут. Но как определить сам этот дар? Вряд ли сейчас придет исчерпывающий ответ. Но одно кажется очевидным: без дара любви к своей стране, к народу своему Высокский вообще необъясним (как необъяснимо без этого дара ни одно из явлений настоящего искусства). Очень пронизательной бывает ненависть, но сама по себе, даже святая, она

всегда в чем-то ущербна, ограничена, а уж когда она несправедна, то вся ее дьявольская пронизательность оказывается не открытием, а закрытием: она прицельно, злорадно бьет по большим местам — убивает. О равнодушии нечего и говорить: оно, так сказать, принципиально верхоглядно, лениво и импотентно. Безграничен же в своей пронизательности лишь дар любви к родному. Отсюда чуткость к боли, догадливость к беде, нелицемерное сострадание и сорадование.

Вот уж кто не берег, не щадил себя, чтобы отыскать, открыть и прокричать-пропеть правду, чтобы так сблизить людей и (это уж и вовсе кажется чудом) сблизить совсем разные, далекие поколения — шестидесятилетних и подростков нынешних.

Почти каждую свою песню пел он на предельном пределе сил человеческих. А сколько у него таких песен, и сколько раз он их так пел! И если уж одно это исполнение производит такое потрясающее впечатление, то какой же ценой, нервами какими и кровью они создавались? Какой за этим труд?..

Он был на редкость удачлив. Но это была удачливость без презрения к неудачникам. И в то же время чувствовалась чисто мужская, мужицкая твердость, твердость человека, умеющего работать до седьмого пота, знающего цену работы, а потому жесткого к людям ноющим, не работающим. Неудача может быть в работе — как же иначе? Пожалуй, даже и не может быть работы без неудач. Но неудача, связанная с бездельем, неудача в... безделье?.. Никакая тут не трагедия, а фарс, празднословие.

Я видел, как он записывался для кинопанорамы. Пел «Мы вращаем Землю». Первая попытка — неудача. Вторая, третья, четвертая — тоже. Лишь пятая немного его удовлетворила. По напряжению — даже только физическому — не уступал он никаким олимпийцам — тяжелоатлетам, скажем, когда они рвут свои штанги.

Его способность самоотдачи феноменальна. Но чтобы так много отдавать, надо это и меть, а еще раньше надо обладать фено-

менальной же способностью б р а т ь , копить, выпитывать — везде, всегда, ото всех.

Очень это о нем (особенно о «Песне конченного человека») — такой диалог внутренний из М. Цветаевой:

- Скошенный луг —
Глотка!
- Хрипи, тоже ведь звук...
- Так и в гробу?
- И под землей.
- П е т ь не могу!
- Э т о воспой!

Слушая его, я в сущности впервые понял, и понял, так сказать, чисто физически, что Орфей знаменитый древнегреческий, играющий на струнах собственного сердца, — никакая не выдумка красивая, никакая не фраза, а самая что ни на есть чистая правда.

И почему-то мне кажется, что некоторые песни должны были ему вначале непременно п р и с н и т ь с я , что они потрясали его во сне, а уж проснувшись — в ужасе, в радости, — он их мучительно вспоминал, восстанавливал, записывал...

Не раз случалось: услышал какую-нибудь его песню, и, кажется, уже покорила она тебя, но потом вдруг слышишь ее снова и не узнаешь, вроде та — и не та. Чуть изменились слова, чуть интонация, ритм, чуть-чуть еще что-то, неуловимое, и вот перед тобой — не второй, не третий варианты, а единственный. В чем тут дело? Не в том ли, что истинный талант — это, может быть, прежде всего «просто» непримиримость (даже ненависть) к собственной бездарности — безвкусице, нечестности, неточности и, главное, умение вытраивать все это беспощадно, без остатка?

Его песни — это словно он сам все время прислушивается, боясь пропустить чей-то сигнал бедствия. Сам мчитя кому-то на помощь, боясь опоздать. Сам поминки виноватые справляет о павших, боясь кого-либо из них позабыть, не понять, раз уж не удалось спасти.

Гете говорил, что если перед вами человек, в чем-то превосходящий вас, то полюбите, полюбите его за это. Иначе грозит болезнь, иначе изойдете от зависти. Но попробуйте позави-

довать Высоцкому. Как, например, завидовать человеку, который, жизнью своей рискуя, бросается в омут бурлящий или в огонь, чтобы спасти другого? Вот действительно: поди — попробуй. Вся зависть, все тщеславие утонут в этом омуте или сгорят дотла в этом огне...

Он бьет, бьет в набат: у каждого человека свой голос, своя песня, но как люди вяло знают, как смутно помнят об этом, как хитроумно и упорно «откладывают себя» и как панически, ненадежно, ненадолго спохватываются. В этом-то и состоит, быть может, самая первичная трагедия, трагедия всех трагедий.

Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел, —
Потрусили за ствол — он упал, упал...
Вот вам песня о том, кто не спел, не спел
И что голос имел — не узнал, не узнал.

Может, были с судьбой нелады, нелады
И со случаем плохи дела, дела,
А тугая струна на лады, на лады
С незаметным изъязном легла, легла.

Он начал робко с ноты «до»,
Но не допел ее, не до...

Не дозвучал его аккорд, аккорд
И никого не вдохновил.
Собака лаяла, а кот —
Мышей ловил.

Смешно, не правда ли, смешно! Смешно.
А он шутил — недошутил,
Недораспробовал вино,
И даже недопригубил.

...Он знать хотел всё от и до,
Но не добрался он, не до..
Ни до догадки, ни до дна, до дна,
Не докопался до глубин,
И ту, которая одна, —
Недолюбил, недолюбил, недолюбил,
недолюбил...

Смешно, не правда ли, смешно! Смешно.
А он спешил — недоспешил, —
Осталось недорешено
Все то, что он недорешил.

И откуда он предчувствовал и почти дотошно знал свою судьбу? Будто сам загадал и сам же отгадал. А может, так: сам ее делал, а потому и знал? Его песни — это еще какая-то неистовая гонка:

неутолимого голода работы: успеть! успеть!.. И когда беспрестанно упрекают наше искусство в том, что оно, дескать, отрывается от жизни, то мне хочется сказать и другое: не слишком ли оно оторвано от смерти? Будто мы не смертны уже, будто смерть — это что-то вроде «родимого пятна» от старого вроде предрасудка, который вот-вот должен отмереть. Да ведь без смерти не было бы, может, и никакой нравственности вообще — к сведению некоторых «оптимистов»...

<...>

Дельвиг писал Пушкину: «Никто... не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты...» Что надо, чтобы пробиться сквозь наши каменные сердца, чтобы оживить их надеждой и болью? А чем еще можно их оживить?

Булат Окуджава играет на своей тихой волшебной дудочке — и вдруг, сквозь асфальт, прямо на камнях, зеленеют ростки...

А еще нужны, наверное, и настоящие отбойные молотки, еще и взрывать нужно камни, иначе тоже ни к чему не пробиться, ничего не

найти. И Высоцкий сочинял и пел свои песни так, будто молотком отбойным и работал, сотрясая всех и сотрясаясь сам. Он именно взрывает сердца, и прежде всего свое собственное сердце. Зато к каким тоже росткам, к каким сокровищам пробивается.

Кажется порой: вот неверно, вот не так, а в результате вдруг забываешь о «неверности», и предстает тебе новая энергия, новая гармония, и даже возникает такое ощущение, что она давным-давно скрыта была в глубинах самого русского языка, речи русской, души — и вырвалась. И так называемые неправильности, неверности, негладкости у него — они большей частью не от слабости, наоборот: от неподдельной и высокой искренности, естественности, от силы, от манящего предчувствия неизведанности его пути. За ними новая правильность, открытие угадывается. Без них речь живая преснеет, дистиллируется, вкус теряет. Здесь именно та небрежность, та «грамматическая ошибка», за которую Пушкин любил русскую речь, без которой и не может быть трепета, напряженности, нарощности, то есть

всего того, чем и живо живое (тем более поэтическое, песенное) слово, без чего никого нельзя заразить своим чувством, своей мыслью, нельзя отдать себя: не возьмут, не поверят.

Он так любил Слово! Он и буквы, звуки любил, все до единого, а некоторые особенно: л-л-л... р-р-р... ю-у-у... Каким-то чудом у него и согласные умели, выучились звучать как гласные, иногда даже сильнее. И даже становились как бы слогом, образуя особую рифму.

Слова, звуки у него сгущаются, концентрируются, взрываются, так что их не только видишь уже, но они словно становятся объемными, скульптурно напряженными, осязаемыми — кажется, дотронуться можно. Все это, очевидно, и связано именно с песенной (звучащей) природой его стиха.

...Ходу, думушки резвые, ходу!

Слова, строченьки милые, слова!..

Весь он — в этом образе. И только, только ради этого мольба:

Хоть немного, но продлите
Путь к последнему приюту...

О «думушках», о слове — как о конях.
И о конях — как о слове.

Я лошадам забитым, что не подвели,
Поклонился в копыта, до самой земли...

И так же он гнал, взнуздывал, холил слова...
А его неожиданные контрапункты, от которых
захватывает дух! Вот один только — из «Песни
о неспетой песне»:

...Смешно, не правда ли, смешно, смешно,
Когда секунд недостает, —
Недостающее звено,
И недолет, и недолет, и недолет, и недолет!
Смешно, не правда ли?..

И здесь он вдруг резко обрывает пение
и переходит на речитатив, даже почти на раз-
говор прозаический, обыденный как будто —
и горький, горький:

...Смешно, не правда ли? Ну вот, —
И вам смешно, и даже мне, —

Конь на скаку и птица влет —
По чьей вине? По чьей вине? По чьей вине?..

Но нет, этого не опишешь. Это надо только слушать...

Над многими песнями его и думать, думать надо, работать — сразу они даются далеко не всегда. Слушаешь иную его песню — и такое ощущение, будто разыгрывает он трудную шахматную партию, в которой делает такие ходы, что после каждого восклицательные знаки хочется ставить. Недаром у этого едва ли не самого «громкого» певца аудитория с годами становилась все тише, вдумчивее, углубленнее, становилась одновременно интеллигентнее и шире.

Мало кто может совершать такие невероятные головокружительные переходы, перелеты — прямо от самых низин жизни к ее высотам. Кажется (казалось, вернее, многим вначале) — вот банальный жанр, вот «приблатненность» темы, вот чересчур мелодраматично. Но как стремительно выяснилось, что все это у него не что иное как пародия, сарказм,

горечь. Может быть, самой распространенной первоначальной ошибкой в восприятии Высоцкого было элементарное спутывание персонажей, которых он играл в песнях своих, с ним самим (хотя, особенно вначале, он сам давал известные основания для этого). Он может начать разговор с любым на его языке, на его тему, а переводит-то разговор на свой язык, только начинает с чужого, а гнет-то всегда свое. Подобно Зоценко, он умеет взять самый пошлый жанр, чуть не хамскую тему — и вдруг (как наждаком по душе) заставляет — их! их! — хохотать и реветь над самими собою...

И пьяная Русь у него — это уж, конечно, не умиление, не любовование, а настоящий плач от горя настоящего. Это — знание пьянства уже не как богатырства какого-то, а как безобразия, бедствия народного и страшного греха.

Не сразу и не все поняли, что песни его — дело не шуточное, не хобби, не карьера — судьба. Было время, в самом начале любимовской Таганки, лет 16 назад, когда зазывали его «меценаты», зазывали для развлечения, и он не

отказывал, приходил, пел, но и тогда уже перекашивались в друг их лица, будто глотнули они вместо легкого вина чистого спирту...

Издавна существует одна болезнь, причем заразная. Назову ее: славоблудие (блудить славой. — И.З.). Заведется у человека талант (настоящий талант), и уже признают его в качестве такового, а ему мало этого, он тут же в гении метит, и не меньше. Да еще обижается искренне, если гением не величают на каждом шагу. И считает себя при этом самым распрогрессивным, поскольку «начальства» никакого не признает... А выходит на деле тоже какое-то чинодральство, только духовное, так сказать. Взятчиничество выходит своеобразное, да еще и не «по чину». Выходит, сам в «начальники» карабкается всеми правдами-неправдами, только по особому «ведомству» — по «идеальному», что ли. А сил исходных, даровых все меньше и меньше, потому как не на то уходят. И глядишь: таланта как не было...

У Высоцкого и прижизненная слава была, как мало у кого. Но, как мало кто, он про-